

Изъ Записной Книжки „Русскаго Архива“.

Надпись на входной двери въ Ревельской Городской Думѣ.

Anno 1651.

Quisquis senator curiam officii causa ingrederis, ante hoc ostium privatos affectus omnes abjicite, iram, vim, odium, amititiam, adulationem, rei publicae personam et curam subjcito; nam ut aliis aequus aut iniquus fueris, ita quoque Dei judicium expectabis atque sustinebis.

Переводъ. Всякій старшина, входящій сюда по службѣ, отбрось передъ входомъ всё частныя чувства, гнѣвъ, сознание своей силы, ненависть, дружбу, желаніе сдѣлать другому удобное; подчини себя и всё старанія общественному дѣлу. Смотри по тому, будешь ли ты справедливъ или несправедливъ, ты долженъ ждать себѣ правосудія Божія и на себѣ его испытать.

*

6 Февраля 1882 года, провожая меня съ 3-го этажа по лѣстницѣ, графиня Е. Н. Адлербергъ нѣсколько разъ останавливалась и довольно долго со мной говорила. Между прочимъ она мнѣ сказала, что мужъ ея графъ Александръ Владимировичъ умолялъ Александра Александровича не уѣзжать въ Гатчину, оставить Аничковъ дворецъ и поселиться въ Зимнемъ. Странно, что во всемъ этомъ огромномъ зданіи, по словамъ графини Блудовой, не оказалось свободнаго и приспособленнаго помѣщенія для новаго Государя; а поселиться въ покояхъ отца было трудно, такъ какъ и теперь еще не выведена кровь, которую цѣлыми лаханями выносили оттуда 1 Марта 1881 года. Тамъ до сихъ поръ стоитъ накрытая Персидскою шалью и вся промоченная кровью кровать Александра Николаевича.

Кто-то изъ знакомыхъ показывалъ графинѣ Адлербергъ письмо, въ которомъ покойный Государь сообщалъ: „ко всемъ моимъ бѣдствіямъ прибавилось, что оба мои старшіе друга не могутъ переносить моей женитьбы *): князь Суворовъ заболѣлъ отъ нея; а на графѣ Адлербергѣ до сихъ поръ лица нѣтъ“.

Наканунѣ смерти, въ Субботу, послѣ говѣнія и причащенія св. тайнъ, Государь отозвался за завтракомъ протоіерею Рождественскому: „Какъ я теперь спокоенъ, какъ счастливъ тѣмъ, что дѣти мои начинаютъ любить мою жену!“ Однако, по словамъ графини Блудовой, всю первую недѣлю великаго поста онъ ежедневно уходилъ на нѣсколько часовъ

*) 6 Іюля 1880 года, въ Царскомъ Селѣ, въ большомъ дворцѣ, въ походной церкви. Оповѣщеніе Сенату дано осенью того же года. Подпись удостовѣрена тремя сенаторами. П. Б.

въ опустѣлыя комнаты покойной Государыни, гдѣ, по его приказанію, все осталось такъ, какъ было при ней. Государь подолгу сиживалъ тамъ одинъ. Утромъ, въ день кончины, какой-то бѣдной просительницѣ онъ пожаловалъ три тысячи рублей; а другой (изъ дворянъ) большія деньги на выкупъ ея имѣнія. (Слышано отъ графини Блудовой).

Князь С. М. Воронцовъ говорилъ мнѣ однажды: „Отчего вы такъ часто бываете у графа Адлерберга? Вѣдь министры и важныя лица по долгу добиваются его приѣма“. Я отвѣчалъ: „Оттого, что они ѣздятъ къ нему съ просьбами о чемъ либо или для ходатайства передъ Государемъ; я же ничего у него не прошу, а только нахожу большое удовольствіе въ бесѣдѣ съ нимъ“.

Графъ Александръ Владимировичъ былъ человекъ даровитый и многосторонне образованный. Въ особенности любилъ онъ родословныя и Русскую словесность; говорятъ, что онъ самъ писалъ стихи (мнѣ ихъ онъ не показывалъ). Правдивость его въ разсказахъ о прошломъ была образцовая. Покойный Государь Александръ Александровичъ изволилъ отозваться о немъ: „графъ Адлербергъ не пишетъ своихъ Записокъ, потому что опасается сказать неполную правду“. По его кончинѣ, когда я спросилъ его вдову, не осталось ли послѣ него какихъ либо дневниковъ или автобіографическихъ замѣтокъ, она вынесла мнѣ на подносѣ очень много небольшихъ въ сафьянномъ переплетѣ книжечекъ. „Вотъ его Записки“, сказала она. Это были ежедневныя выписки мѣстъ изъ Апостола и Евангелія. Мать его была женщина благочестивая. Пріятель его отца В. А. Жуковскій, вѣроятно, имѣлъ на него вліяніе: я помню съ какимъ чувствомъ читалъ графъ Александръ Владимировичъ стихи Баратынскаго про Александру Андреевну Воейкову, которую онъ помнилъ съ дѣтскихъ своихъ лѣтъ:

Очарованье красоты
 Въ тебѣ не страшно намъ.
 Не будишь насъ, какъ солнце, ты
 Къ мятежнымъ суетамъ.
 Отъ дольней жизни, какъ луна,
 Манишь ты въ міръ иной,
 И при тебѣ душа полна
 Священной тишиной.

Графу Адлербергу было одиннадцать лѣтъ, когда А. А. Воейкова скончалась. Это было необыкновенно высокое и чистое созданіе. Мнѣ случалось бесѣдовать со старыми людьми, ее знавшими; они воодушевлялись при одномъ имени „Свѣтланы“.

Прошу извиненія у читателей, что помѣстилъ о ней несуразный анекдотъ А. П. Петерсона, который, при всѣхъ своихъ отмѣнныхъ достоинствахъ, не былъ способенъ оцѣнить ее. П. Б.

